

Преображенское кладбище и его прошлое.

Содержаніе: Глава I.—Краткій очеркъ раскола. Глава II.—Откуда произошли еедосѣвцы-безпоповцы. Глава III.—Первые ихъ дѣятели и ихъ лжеученія. Глава IV.—Основаніе еедосѣвцами Преображенскаго кладбища. Звѣрское убійство ими архіепископа Амвросія. Глава V.—Илья Алексѣевичъ Ковылинъ и его безчинства. Глава VI.—Насилія надъ беззащитными дѣвицами - безбрачницами. „Заупокойный псалтирь“. Глава VII.—Дѣтоубійства на Преображенскомъ кладбищѣ. Хапиловскій прудъ, какъ мѣсто сокрытія. Исповѣдь еедосѣвцевъ по „почтѣ“. Глава VIII.— Преображенское кладбище въ 1812 году. Глава IX.—Совѣтъ еедосѣвцевъ-измѣнниковъ. Посольство еедосѣвцевъ къ Наполеону и снаряженіе въ даръ быка. Развратъ французовъ на кладбищѣ. Глава X.— Приѣздъ Наполеона на кладбище. Фабрикація фальшивыхъ денегъ. Грабежъ еедосѣвцами Москвы. Глава XI.—Послѣдніе еедосѣвскіе дѣятели.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., домъ № 5

1901

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

Москва, 27 ноября 1900 года.

Цензоръ Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій*.

ГЛАВА I.

Краткій очеркъ раскола.

Раскольники, или старовѣры, зовутъ насъ, православныхъ, никоніанами. Вотъ главная причина, почему большинство полагаетъ, что расколъ начался съ патріарха Никона, собственно со времени исправленія имъ священныхъ книгъ. Но подобное мнѣніе не совсѣмъ справедливо. Расколъ въ Россіи появился еще задолго до упомянутаго патріарха, да и самъ Никонъ едва ли дѣлалъ какія-либо исправленія въ церковныхъ книгахъ. Онъ только присутствовалъ на соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ въ 1654 году по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича; на этомъ соборѣ было только рѣшено исправить книги. Въ 1655 году Алексѣй Михайловичъ созвалъ вторично соборъ, на которомъ повѣряли и сводили печатныя російскія книги съ древними славянскими переводами и греческими подлинниками; но кончить дѣло и на семъ соборѣ все-таки не успѣли. Никонъ же, оставивъ патріаршій престолъ, отошелъ въ уединеніе. Окончатель-

ное исправленіе книгъ послѣдовало уже въ 1666 году, на третьемъ соборѣ, на которомъ присутствовалъ самъ государь, патріархи александрійскій Паисій, антиохійскій Макарій, съ митрополитами, архіепископами и епископами восточной церкви, а также и новопроизведенный въ томъ году въ патріархи Іоасафъ московскій.

Если Никону приписать мысль объ исправленіи церковныхъ книгъ, то и это будетъ несправедливо. Попытки исправить описки и ошибки въ книгахъ начались гораздо ранѣе. Еще въ 1518 году государь великій князь Василій Іоанновичъ, по совѣту Варлаама, митрополита московскаго, послалъ грамоту въ гору Аѳонскую и просилъ святогорскихъ старцевъ прислать въ Россію знающаго человѣка для исправленія церковныхъ книгъ. Присланъ былъ извѣстный Максимъ, родомъ грекъ. Этотъ ученый монахъ былъ принятъ съ подобающею честью и поселенъ въ Чудовомъ монастырѣ. Максимъ разсматривалъ и повѣрялъ наши книги съ греческими подлинниками и прежними славянскими переводами; нашелъ въ нихъ много несправедливостей, описокъ, недописокъ, излишней приписи и другихъ погрѣшностей, которыя въ продолженіе девяти лѣтъ старался исправить, но кончить этого полезнаго дѣла не успѣлъ. Зависть и злоба оклеветали ученаго мужа, и Максимъ подвергся изгнанію въ Троицкій Сергіевскій монастырь. Вся интрига противъ Максима, полагать надо, была, главное, отъ строгольниковъ. Максимъ писалъ въ свое оправданіе и защиту, доказывалъ правоту своихъ дѣйствій, но все было напрасно, и онъ скончался въ заключеніи въ 1555 году.

Въ 1550 году царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, желая привести къ окончанію дѣло исправленія церковныхъ книгъ, начатое его отцомъ посредствомъ Максима, но не оконченное, повелѣлъ собрать соборъ, извѣстный подъ названіемъ Стоглава, на которомъ присутствовалъ самъ государь съ Макаріемъ, митрополитомъ московскимъ, и вообще съ знаменитымъ духовенствомъ русскимъ. По многостороннемъ обсужденіи этого дѣла рѣшено было: такъ какъ божественныя книги пишутъ у насъ писцы съ неисправленныхъ переводовъ, а, написавъ, сами не правятъ, отчего описка къ опискѣ прибываетъ; такъ какъ по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ читаютъ, поютъ и учатся, то, чтобъ отъ такого небреженія и нерадѣнія не понести гнѣва Божія, опредѣляемъ и повелѣваемъ во всѣхъ городахъ, ежели гдѣ въ церквахъ окажутся книги неправильныя, чтобы ихъ съ „добрыхъ“ переводовъ исправляли, но по нимъ отнюдь не служили...

Подъ великимъ запретомъ приказано было писцамъ неисправленныхъ книгъ не продавать и никому такихъ не покупать. Но какъ ни строго было опредѣленіе собора, въ точности исполнить его было невозможно.

Государь Іоаннъ Васильевичъ, ревнуя о благоустроеніи церкви и желая, чтобы книги во всемъ государствѣ были исправленныя, по крайней мѣрѣ, одинаковыя, повелѣлъ въ Москвѣ основать въ 1564 г. типографію.

Въ 1584 г. царь Іоаннъ Васильевичъ скончался. Сынъ его, Феодоръ Іоанновичъ, повелѣлъ Іереміи, патріарху цареградскому, бывшему тогда въ Москвѣ,

поставить Іова, митрополита московскаго, патріархомъ всероссійскимъ. Этотъ первый патріархъ прилагалъ все свое стараніе къ исправленію книгъ.

Расколъ, главное, началъ сильно распространяться во время междоцарствія, то-есть во время Лжедимитріевъ. Многіе, оставя свою родину, спасались бѣгствомъ и скрывались, гдѣ только могли. Такъ, нѣкто изъ новгородскихъ помѣщиковъ, князь Борисъ Александровичъ Мышецкій, во время царствованія Шуйскаго, оставивъ свои помѣстья, ушелъ въ Заонѣжскую поморскую область, гдѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Іоанномъ, скрылся и покончилъ жизнь въ монашествѣ.

Внукъ послѣдняго, Порфирій, съ сыномъ Іаковомъ, также переселился на мѣсто, называемое Повѣнецъ, извѣстное во всемъ поморскомъ округѣ, гдѣ спустя нѣкоторое время, и умеръ; Іаковъ же, хотя и происходилъ изъ стариннаго рода и извѣстенъ былъ при дворѣ, но дѣтей своихъ, Прокопія и Діонисія, воспитывалъ не такъ, какъ требовало ихъ происхожденіе, а въ крайнемъ невѣжествѣ и грубости, которыя и были причиною, что они, во время исправленія церковныхъ книгъ, много безпокойствъ и затрудненій надѣлали царю Алексѣю Михайловичу. Отъ Прокопія родился Петръ, а отъ Діонисія Андрей и Семень — главные олонецкіе лжеучители. За ними, какъ видно изъ записокъ поморскихъ перекрещеванцевъ, слѣдовали другіе извѣстные основатели и учителя раскольническихъ сектъ, появившіеся во время Алексѣя Михайловича и при началѣ патріаршества Никона, то-есть около 1654 г. Этими учителями были лишенные

строгостью Никона своихъ сановъ протопопы Иванъ Нероновъ и Даніиль, а, главное, Аввакумъ съ ученикомъ своимъ діакономъ Ѳеодоромъ. Эти люди были заражены сильнымъ духомъ фанатизма, а иногда и буйства. Къ этимъ основателямъ надо присоединить и современнаго имъ Павла, бывшаго епископа коломенскаго, который у всѣхъ раскольниковъ почитается за перваго страдальца и исповѣдника.

Павель былъ осужденъ греческими патріархами и російскими архіереями и обличенъ въ суевѣрномъ раскольническомъ умствованіи; и когда, несмотря на увѣщанія, не хотѣлъ сознаться въ своемъ заблужденіи, то, по лишеніи архіерейскаго сана, былъ сосланъ въ заточеніе въ поморскіе края, въ Палеостровскій монастырь, гдѣ въ своемъ невѣжествѣ и упрямствѣ и умеръ.

При жизни еще Павловой появился нѣкто Досифей, игумень Тихвинскаго Никольскаго, такъ называемаго, Бесѣднаго монастыря.

Этотъ бѣглець, скрываясь въ Поморіи, сначала одинъ распространялъ ученіе Павлово; а потомъ, собравъ толпу подобныхъ себѣ, распространялъ его по всѣмъ олонецкимъ краямъ. Между тѣмъ и Аввакумовы послѣдователи дѣйствовали. Они, разсыпавшись по государству, кто куда могъ, вездѣ смущали простой народъ. Въ то же время эти мятежники, при помощи астраханскихъ измѣнниковъ, бывшихъ изъ партіи Стеньки Разина, захватили въ свои руки Соловецкій монастырь, гдѣ, укрѣпясь, бунтовали въ продолженіе семи лѣтъ и ни на какія увѣщанія, присылаемыя отъ государя, не сдавались.

Вотъ каковы и вотъ кто были въ Соловецкомъ монастырѣ основатели мнимой старой вѣры нашихъ старообрядцевъ. Не монахи и не послушники со слугами и сторожами семь лѣтъ бунтовали, а астраханскіе разбойники, сообщники Разина — не болѣе. Въ 1682 году въ Москвѣ, въ стрѣлецкихъ полкахъ сдѣлалось возмущеніе. Въ это время, пользуясь общимъ замѣшательствомъ, нѣкто попъ Никита, прозываемый Пустосвятомъ и лишенный правъ священства, подговоря разныхъ бродягъ, разстриженныхъ монаховъ, выгнанныхъ подъячихъ и крѣпостныхъ господскихъ людей, началъ въ Москвѣ разсѣвать по домамъ разныя бредни и подбирать къ себѣ отовсюду партіи, подъ видомъ защищенія старой вѣры. Такъ какъ Никита жилъ въ Стрѣлцкой слободѣ, то, войдя въ дружбу съ нѣкоторыми начальниками, увлекъ на свою сторону многихъ стрѣльцовъ, и безъ того склонныхъ къ бунту.

Никита ходилъ съ ними по торгамъ, кабакамъ и харчевнямъ, возмущая народъ и крича:

„Постойте, постойте, православные, за истинную вѣру, не принимайте новой, ибо нѣтъ уже православной церкви, и прямая вѣра погибе на землѣ, ибо антихристъ насталь“.

Народъ, увлекающійся иногда величайшими нелѣпостями, собирался отовсюду и приставакъ къ изувѣру; честные граждане, будучи поражены страхомъ, уклонялись по возможности прочь, а невѣжды и люди безпокойные, умножали толпу мятежниковъ. Пустосвятъ часто приходилъ на Красную площадь и на такъ называемое Лобное мѣсто, кричалъ и подучалъ

народъ, чтобы бывшаго тогда патріарха Іоакима, архіереевъ и все духовенство, какъ слугъ антихристовыхъ, побить на-голову.

А чтобы смятеніе было покрыто видомъ набожности, то возмутители таскали съ собою кресты, иконы и книги, показывая народу и говоря, что все это изъ церкви выброшено и отъ истинной вѣры отступлено.

„Выходите сюда,—кричали патріарху и архіереевъ,—выходите на Лобное мѣсто о вѣрѣ претися!“

А такъ какъ патріархъ не хотѣлъ жертвовать жизнью въ угоду безумію, то бунтовщики опять неистово кричали: „Наша правая вѣра, не могутъ ничего говорить съ нами“.

Наконецъ, въ одинъ день, во время патріаршаго, въ Успенскомъ соборѣ, священнослуженія, мятежники огромною толпой вошли въ Кремль, остановились у Архангельскаго собора, поставили аналогіи, положили на нихъ евангеліе, крестъ, иконы, множество книгъ, ругательныхъ своихъ тетрадей и лицевыхъ свитковъ, которые показывали и читали народу; натаскали при этомъ скамей, зажгли восковые свѣчи, которыя мужики держали предъ аналогіями, и съ воплемъ начали требовать, чтобъ государи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи повелѣли имѣть дѣло съ патріархомъ о вѣрѣ. Патріархъ со всѣмъ соборомъ, находясь въ великомъ страхѣ, выслалъ на увѣщаніе къ мятежникамъ спасскаго протопопа Василья и еще одного священника, съ книгами и съ поученіемъ, нарочно на тотъ случай составленнымъ. Но мятежники бросились на нихъ и убили бы, если бы посланные не успѣли убѣждать къ патріарху, который послалъ тотчасъ къ государямъ

извѣстить о бунтѣ и просить покровительства. Ихъ величества немедленно повелѣли патріарху со всѣмъ соборомъ прійти въ Грановитую палату на разговоръ съ безпокойными.

Патріархъ, одиннадцать митрополитовъ, пять архіепископовъ, два епископа съ достаточнымъ количествомъ архимандритовъ, игуменовъ и прочаго духовенства, взявъ съ собою нѣсколько древлеписанныхъ харатейныхъ и другихъ греческихъ и російскихъ книгъ, явились къ государямъ. Съѣхалось множество бояръ и другихъ знатныхъ лицъ.

Никита съ сообщниками, будто не понимая, куда пришелъ, не оказалъ даже должнаго почтенія къ государямъ и ихъ высокой фамиліи, но въ бѣшенствѣ надѣлалъ множество безчинствъ, шуму и ругательствъ такихъ, что и передать трудно.

А когда Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій, сильнѣе другихъ началъ возражать и доказывать невѣжество возмутителей, то Никита бросился на него, крѣпко ударилъ въ грудь и убилъ бы, если бы не былъ удержанъ царскими охранителями.

Когда Никита и его сообщники вышли изъ палаты, то еще болѣе взбѣсились и, поднимая руки, кричали народу: „побѣдили и одолѣли никоніанъ; отселѣ не слушайте ихъ, православные, и не ходите въ церковь“.

Такимъ образомъ, съ криками и злохуленіемъ, дошли до Лобнаго мѣста, гдѣ Никита былъ пораженъ падучею болѣзнью. Наконецъ, онъ преданъ былъ суду и казненъ на Красной площади съ другими сообщниками.

Здѣсь кстати сказать, что большею частью основатели раскола пребывали въ крайнемъ невѣжествѣ, и хотя мечтали о себѣ, что знали святое писаніе, но въ дѣйствительности это была не болѣе какъ одна мечта.

Въ Москвѣ, изъ числа мятежниковъ, попъ Косьма отъ церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Кулишкахъ, не желая подвергнуться участи Пустосвята, подговорилъ съ собою изъ своего прихода человѣкъ двадцать и бѣжалъ съ ними въ 1668 году, въ сопровожденіи бывшихъ тогда въ Москвѣ казацкихъ старшинъ, въ Малороссію, въ стародубовскій полкъ, въ село Понуровку, при рѣкѣ Ревнѣ.

Здѣсь вскорѣ объ немъ разнесся слухъ, что этотъ святитель странствуетъ ради только поддержанія старой вѣры. Множество простого народа приходило къ Космѣ въ тѣхъ видахъ, что при немъ можно легче содержать древнее благочестіе. Косьма принималъ приходящихъ слѣдующимъ образомъ: кто родился послѣ Никона и крещенъ по исправленнымъ книгамъ, тѣхъ крестилъ вторично; а которые имѣли старое крещеніе, тѣхъ мазалъ только миромъ, о которомъ увѣрялъ, что оно было стараго освященія. Такимъ образомъ, Косьма первый научалъ растлѣвать тайну крещенія повтореніемъ. Перекрещиванье же производилось слѣдующимъ образомъ: желающій вступить въ такъ называемую старую вѣру долженъ былъ исполнить сорокадневный постъ, въ теченіе котораго выслушивалъ всю службу, по ихъ уставу положенную, и клалъ по 300 земныхъ и по 700 поясныхъ поклоновъ.

По исполненіи этого оглашенный приходилъ къ своему крестителю и объявлялъ, что онъ кончилъ эпитимію, и просилъ крещенія; тогда одинъ изъ книжныхъ, то-есть одинъ изъ крылашанъ, шепчетъ оглашенному на ухо, чтобъ онъ приносилъ просьбу со слезами и приготовилъ бы холстъ, аршинъ 25 — 30, на такъ называемыя ризки къ перекрещиванію. Взявъ оглашеннаго въ часовню, книжный читаетъ ему по требнику отрицанія отъ сатаны и отъ ересей,—читаетъ молитвы, и прокликаетъ еретиковъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, поименно, затѣмъ новокрещенный раздѣвается до-нога и своими руками снимаетъ съ себя крестъ, означая тѣмъ произвольное отреченіе отъ прежняго крещенія, и перемѣняетъ имя, принимая новое.

Здѣсь кстати упомянуть, что раскольники, во время Ивана Васильевича, бѣжавъ изъ Новгорода и Пскова за границу, поселились частью въ Польшѣ, а частью на земляхъ, принадлежащихъ Швеціи, откуда имѣли сношенія съ раскольниками, жившими внутри Россіи. По прошествіи достаточнаго времени нѣкоторые изъ этихъ бѣглецовъ присоединились къ уніи, а нѣкоторые, мучимые совѣстью, пожелали обратиться къ православной церкви. Изъ послѣднихъ былъ нѣкто попъ Иванъ, уроженецъ города Коломны. Онъ, соединясь съ церковью, привлекъ къ себѣ многихъ и началъ внушать удалившимся изъ отечества суевѣрамъ, что и имъ надобно обратиться къ оставленному православію и принять таинства, каковы: исповѣдь, причащеніе, священство и бракъ,—таинства, отвергнутыя ихъ предками. Услышавъ объ этомъ, новгородцы оз-

любились и, согласясь съ своими многими московскими единомышленниками, сдѣлали сходбище, на которомъ положили это благое начало разрушить, и людей, жившихъ за границею, обратить вновь въ расколъ.

Вслѣдствіе этого отправленъ былъ съ грамотою извѣстный развратникъ Θεодосій Васильевъ, отъ котораго послѣ Θεодосѣвская секта и получила свое названіе. Θεодосій съ товарищами отправился за Нарву, гдѣ совратилъ и поколебалъ много людей.

Вскорѣ за Косьюмою пришелъ въ тотъ же край, то-есть въ Малороссію, въ Стародубъ, изъ Бѣлева попъ Стефанъ, съ сыномъ своимъ Дмитріемъ, и поселился въ слободѣ Митьковкѣ. Затѣмъ явился Тверской епархіи чернецъ Іоасафъ, и много ересіарховъ изъ губерній Нижегородской, Новгородской, Псковской и другихъ краевъ.

ГЛАВА II.

Откуда произошли еедосѣвцы-безпоповцы.

Посмотримъ же теперь, какія послѣдствія принесла вѣтковская церковь, основанная разстригою Θεодосіемъ и имъ же освященная безъ діакона, безъ архіерейскаго благословенія, которое по правиламъ необходимо.

А произошло слѣдующее. Изъ первоначальныхъ основателей раскола, о которыхъ мы упоминали, многіе померли, другіе разбрелись по разнымъ мѣстамъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ и всѣ попы стараго посвященія, бывшаго по мнѣнію раскольниковъ во время благочестія, перевелись.

Явилось, слѣдовательно, новое затрудненіе и новое толкованіе о священнослужителяхъ.

Одни говорили: „послѣднее время настало, священство православное погibe на земли и благодать хироніи купно съ нашими скончавшимися отцами въ небо преселилось“. Другіе, судя по нуждамъ и немощамъ своимъ, толковали дѣло иначе, а именно: попы

въ обществѣ необходимы, ибо безъ нихъ ни крещенія, ни брака, ни чистительныхъ молитвъ рождающимся дать нельзя, не говоря уже о большихъ таинствахъ; всѣмъ же дѣвственное житіе преходить невозможно. А потому надо принимать поповъ новаго посвященія, какъ и въ древности мы отъ разныхъ еретиковъ къ нашей православной церкви принимали священниковъ и даже самыхъ епископовъ. Эти послѣдніе толкователи даже и правило пріискали въ кормчей книгѣ на свое толкованіе. Но такъ какъ и первая и другая сторона остались при своемъ мнѣніи, несмотря на многіе споры, то вслѣдствіе этого учинили между старовѣрами раздѣлъ, т. е. одни остались безъ священства, слѣдовательно, и безъ всѣхъ таинствъ; другіе по необходимости начали набирать къ себѣ ~~бѣлыхъ~~ поповъ новаго посвященія, какъ бы переходящихъ отъ ересей къ благочестію.

Безпоповщина раздѣляется на пять главныхъ сектъ, именно: 1) на Поморянъ, 2) Ѳедосѣевщину, 3) Филипоповъ (они же сожигатели и морельщики), 4) Нѣтовщину, или Спасово согласіе, и 5) Пастухово, или адамантово. Каждая изъ этихъ сектъ имѣетъ собственныя подраздѣленія.

Прежде чѣмъ обратиться къ предмету насъ занимающему — Ѳедосѣевцамъ, скажемъ нѣсколько словъ о поморянахъ.

Выше было упомянуто о коломенскомъ епископѣ Павлѣ; теперь скажемъ о его ученикахъ и наслѣдникахъ, жившихъ въ олонецкихъ и поморскихъ краяхъ. Всѣ они почти были соловецкіе бѣглецы, именно: черный діаконъ Игнатій, Тихвинскаго Никольскаго

монастыря игуменъ Досифей, Ниловой пустыни старецъ Корнилій и соловецкій же Игнатій Качановъ. Эти „учители“, разсыпавшись по упомянутымъ мѣстамъ, скитались по домамъ и селеньямъ, и кого только могли склонить и прельстить, привлекали къ своему сумасбродству. Къ этимъ лжеучителямъ присталъ, наконецъ, въ послушники шумскаго погоста дьячекъ Данило Викулинъ, который и былъ первый основатель безпоповщины, какъ объ этомъ говоритъ выгорѣцкій ересіархъ Андрей Денисовъ.

Даніилъ, скитаясь по пустынямъ съ нѣккою братією, въ 1697 году переселился съ товарищами своими на Выгъ-рѣку, гдѣ основался оный скитъ, который и называется его именемъ, Даниловъ Поморскій Выгорѣцкій монастырь.

Здѣсь кстати можно замѣтить, что раскольники къ этимъ основателямъ питаютъ такую привязанность, что, напримѣръ, этого безобразнаго Данилу, Андрея Денисова и нѣкоторыхъ другихъ почитаютъ даже за святыхъ. У рѣдкаго поморянина не встрѣтишь ихъ изображеній; и хотя изображенія эти пишутся безъ вѣнцовъ, но къ нимъ имѣютъ особенное почтеніе.

Поморскій скитъ увеличился и вошелъ въ славу при преемникахъ перваго основателя, Андреѣ и Семенѣ Денисовыхъ.

Выгорѣцкій скитъ былъ богатъ и еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія содержалъ на своемъ иждивеніи до двухъ тысячъ душъ мужескаго пола и до тысячи женскаго.

Ненасытное лихоимство и, вслѣдствіе того, гнусные обманы были обычными дѣйствіями этого братства.

Одинъ богачъ, петербургскій купецъ Матвѣй Епифановъ Позняковъ, попавшійся въ ихъ сѣти по своей простотѣ и довѣрчивости, сколько ни жертвовалъ прихотямъ поморской братіи, посылая ежегодно все потребное для содержанія, какъ-то: муку, масло, крупу, воскъ, ладанъ, сукно, холстину и деньги для уплаты подушныхъ податей и другихъ потребностей, но и тѣмъ не могъ удовольствоваться иноковъ, ибо они желали воспользоваться всѣмъ его состояніемъ, для чего подманили, наконецъ, бѣднаго старика, подъ видомъ святости, къ себѣ на Святую недѣлю, для богомолья.

Позняковъ на Страстной недѣлѣ, въ самую распутицу, несмотря на свои преклонные годы, забравъ все имѣніе, исключая дома, отправился въ путь. Приѣхавъ въ скитъ, онъ вскорѣ скончался; никто изъ слугъ, приѣхавшихъ съ Позняковымъ, во время болѣзни его не былъ къ нему допущенъ для присмотра, подъ тѣмъ предлогомъ, что всѣ они были непросвѣщенные раскрещиваньемъ. О кончинѣ мужа увѣдомили жену съ приложеніемъ письма, которое передъ кончиною умѣли у него выманить. Въ письмѣ было сказано, чтобъ ни жена, ни родственники отъ Поморскаго скита имѣнія его, покойнаго, не требовали, такъ какъ пріобрѣтеннымъ онъ, Позняковъ, всѣмъ распорядился еще при жизни.

Этотъ одинъ изъ множества примѣровъ мы привели для того, чтобы показать, какими средствами составлялось богатство Поморскаго скита.

ГЛАВА III.

Первые ихъ дѣятели и ихъ лжеученія.

Обратимся опять къ основателямъ его. Изъ бѣглецовъ, по объявленію самихъ поморянъ, нѣкто старецъ Авраамій принесъ съ собою изъ Соловокъ запасные дары, которые и служили при нуждѣ вмѣсто Тѣла и Крови Христовой. Когда же увидѣли, что древніе дары (такъ они ихъ называли) уменьшаются и могутъ, наконецъ, совсѣмъ исчезнуть, то упомянутый еретикъ, разведя въ квашнѣ тѣсто, всыпалъ въ оное остальные крошки своего агнца, испекъ новые хлѣбы, которые отъ вложенныхъ крохъ будто бы сдѣлались новою евхаристіею, и напутствовалъ ими въ часъ смерти, вмѣсто страшныхъ Христовыхъ Таинствъ.

Впослѣдствіи и эти хлѣбы оскудѣли, и ихъ сподоблялись только люди, подававшіе милостыню червонцами. Усерднѣйшіе богачи изъ поморянъ, за обильныя жертвы въ монастырь, заблаговременно запасались на часъ смертный этими крошками. Но чтобы вновь замѣсить хлѣбы и на этихъ остаткахъ, такого искусника впослѣдствіи не отыскалось.

Тѣ же основатели Поморскаго скита, потолковавъ, что вѣра, таинства и церковь погибли на землѣ; что Антихристъ пришелъ, и что въ книгахъ краткое царствованіе его назначено вѣрно, принялись за свою ариѣметику, начали вычислять и, наконецъ, назначили самый день и часъ, когда Христу надобно прійти, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ.

Но поморцы, какъ одержимые горячкою, принялись рыть могилы и готовить гробы, надѣли на себя саваны и, лежа, ждали пришествія Господа на облакахъ. Но когда назначенный срокъ миновалъ, то пришлось со стыдомъ разстаться съ своими могилами; посмотрѣли на солнце, такъ ли оно течетъ и свѣтитъ, какъ прежде, и не сдѣлалось ли какого замѣшательства. Но солнце свѣтило попрежнему и все было постарому въ природѣ. Почему и принялись суевѣры опять за братскую кашицу и лѣстовки (четки) съ подручниками (лоскутъ войлока, или подушка, которую кладутъ подъ руки, на землю, во время поклоновъ). Конечно, это была комическая сторона дѣла, но она ярко показываетъ невѣжество раскольниковъ и полное непониманіе священнаго писанія.

За этими обманщиками слѣдовали выгорѣцкіе настоятели и учителя: уставщикъ Петръ Прокофьевъ, Иванъ Филипповъ, Леонтій Ѳедосѣевъ, Мануилъ Петровъ, Стахій Осиповъ и Никаноръ Семеновъ.

Всѣ эти поморскіе лжеучители какъ отвращеніемъ отъ церкви, такъ равно хитростями и пронырствомъ мало уступали другъ другу. Главное ихъ ученіе состояло, во-первыхъ, въ томъ, что приходящихъ отъ святой церкви къ ихъ ереси необходимо вторично

крестить; во-вторыхъ, вѣрить несомнѣнно, что антихристъ родился и царствуетъ уже невидимо, т. е. духовно, что истребилъ онъ всѣ церкви и всѣ таинства и всякую святыню; въ-третьихъ, о здравіи государей не молиться; въ-четвертыхъ, бракъ отвергать; въ-пятыхъ, изъ двухъ частей сложенный крестъ ругать, называя его печатью антихристовою, кумиромъ и мерзостью запустѣнія; въ-шестыхъ, имѣть склонность къ самосожженію и вообще къ самоубійству и считать послѣднихъ за святыхъ страдальцевъ.

Первымъ начальникомъ Ѳедосѣевского толка былъ церковный дьячекъ Ѳеодосій Васильевъ, по переименованіи названнымъ Діонисіемъ, который въ 1706 или 1707 г. отступилъ отъ Выгорѣцкаго скита и первый основалъ новое сборище.

Были двѣ причины разрыва Ѳедосѣевцевъ съ поморянами. Первая та, что поморяне отвергаютъ съ Креста Христова титулу, написанную Пилатомъ, вторая, что поморяне, покупая на торгу брашно, не очищаютъ его молитвою, какъ оскверненное.

Заонежскій ораторъ, Андрей Денисовъ, желая прекратить несогласія, писалъ къ Ѳедосѣевцамъ увѣщательное посланіе, въ которомъ, сожалѣя объ отступленіи ихъ, оправдывалъ поморянъ. Но все было тщетно, и новые лжеучители разсѣвались какъ по Олонецкой области, такъ равно по Новгородской и въ Псковскомъ краю и умножали Ѳедосѣевское ученіе.

Мы уже говорили, что поморяне между прочимъ ученіемъ своимъ толковали, чтобы во всѣхъ службахъ и моленіяхъ своихъ о здравіи государей нашихъ Богу не молиться. Одинъ изъ поморянъ, прозываемый круг-

лякомъ, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, по личнымъ неудовольствіямъ, въ отмщеніе за обиду, донесъ объ этомъ въ С.-Петербургъ. Для изслѣдованія дѣла немедленно была отправлена комиссія подъ предсѣдательствомъ г. Самарина. Самаринъ, прибывъ къ монастырю, тотчасъ же произвелъ слѣдствіе и нашелъ доносъ справедливымъ, потому что во всѣхъ служебныхъ книгахъ, гдѣ стояло царское имя, мѣста были вытерты или заклеены. Однако, комиссія, при маломъ сопротивленіи, убѣдила поморянъ, чтобы они ввели у себя въ употребленіе правило молиться за государей, въ чемъ поморяне и дали письменное обязательство. Правда, облегченію дѣла много способствовало и то обстоятельство, что нѣкоторые изъ поморянъ до прибытія еще комиссіи объ этомъ толковали и говорили, что Апостолъ Павелъ и святой Златоустъ велятъ за царей, хотя бы они были и невѣрные, молить Бога. А что поморяне до сихъ поръ отступали отъ этого, тому причиною они ставили свое невѣжество. Несмотря, однакоже, на благопріятныя условія для комиссіи, при въѣздѣ ея поморяне, по безумному своему обычаю, едва было не сожглись,—потому что во всѣхъ кельяхъ и всюду были готовы зажигательные снаряды. Спасеніемъ свое поморяне были обязаны Андрею Денисову, бывшему тогда еще въ живыхъ, который, ходя по братіи и сестрамъ, всѣми силами своего краснорѣчія уговаривалъ ихъ воздержаться отъ пагубнаго рѣшенія, въ чемъ, къ счастью, и успѣлъ.

Не такъ счастливо кончила комиссія возложенное на нее порученіе относительно еедосѣвцевъ. Когда

Ѳеодосѣевцы услышали, что поморяне уже молятъ Бога о здоровіи государя, всѣ страшно и съ озлобленіемъ возстали противъ этого нововведенія. Ѳеодосій Васильевъ возмутился болѣе всѣхъ и велѣлъ называть поморянъ еретиками и ни въ чемъ съ ними не сообщаться и не согласоваться. „Не хотимъ, не хотимъ— кричалъ онъ — принимать воеводства, отвержемъ ересь...“.

Ѳеодосѣевцы огласили, чтобы поморянъ называть самарянами, потому что Самарину повиновались, а не пострадали.

Ѳеодосѣевская секта сильнѣе и обширнѣе всѣхъ другихъ: Москва, Петербургъ, Новгородъ, Псковъ, Сибирь, и многіе другіе города и мѣстности переполнены послѣдователями этого ученія.

ГЛАВА IV.

Основаніе еедосѣвцами Преображенскаго кладбища. Звѣрское убійство ими архіепископа Амвросія.

Въ 1771 году въ Московской губерніи, во время свирѣпствовавшей тогда чумы, еедосѣвцы задумали въ древней столицѣ основать свой монастырь. Дѣло это требовало большой изворотливости, хитрости и, разумѣется, пожертвованій. Чтобы удобнѣе достигнуть своего намѣренія, еедосѣвцы прибѣгли къ свѣтскому правительству и просили дозволить имъ устроить карантинный домъ съ кладбищемъ, на построеніе котораго отъ казны ничего не требовали. Все это было дозволено и отведена земля въ селѣ Преображенскомъ, при рѣчкѣ Хапиловкѣ, которая и служила имъ Іорданомъ во время крещенія и перекрещиванія. Московскій архіепископъ Амвросій, узнавъ объ этомъ, рѣшился было остановить это дѣло; но попытка эта стоила благочестивому пастырю жизни: онъ палъ жертвою безумнаго изувѣрства, и однимъ изъ главныхъ убійцъ его былъ раскольникъ еедосѣвской секты Иванъ Дмитріевъ.

Еедосѣвцы въ самое короткое время построили огромный домъ со всѣми службами, подъ видомъ вспо-

моществованія бѣднымъ и осиротѣлымъ отъ мора, объявивъ, что такимъ-де лучше жить у насъ, нежели въ казенныхъ каратинныхъ домахъ. Но въ дѣйствительности это была не болѣе какъ одна лишь приманка, одинъ лишь обманъ.

Народъ, узнавъ объ этомъ, набѣжалъ изъ Москвы, спасаясь отъ страшной болѣзни, въ великомъ множествѣ въ новую обитель, такъ что даже всѣ сараи, чуланы и шалаши едва могли вмѣщать въ себя больныхъ; многіе валялись на кладбищѣ, на холоду.

Осиротѣлые разнаго званія московскіе обыватели, оставляя пустыми свои дома, прибѣгали къ Ѳедосѣевцамъ подъ покровительство толпами, принося съ собою деньги и имущество, которыя вмѣстѣ съ жизнью вручали лжеучителямъ. Ѳедосѣевцы никогда не имѣли лучшаго случая къ перекрещиванію народа, какъ въ то время, когда бѣдные пришельцы, будучи въ ихъ власти, отъ печали и болѣзней своихъ не могли имъ сопротивляться, но должны были поневолѣ исполнять ихъ требованія.

Купели, кадки и чаны были разставлены во всѣхъ сараяхъ, и лежавшіе при смерти всѣ были оглашаемы къ перекрещиванію; сопротивляющихся же тому Ѳедосѣевскіе служители поднимали съ одровъ за руки и за ноги, и насильно, больныхъ, погружали въ воду. И Богу одному только извѣстно, сколько такихъ новокрещенцевъ вынуто изъ воды безъ дыханія.

Такимъ образомъ Ѳедосѣевцы подъ именемъ кладбища основали въ Москвѣ свой монастырь, который, по окончаніи моровой язвы, устроили и расположили по своему вкусу.

Теперь у Ѳедосѣевцевъ не доставало только ус-

тава и чиносодержанія монастырскаго, древлеотеческаго, какъ они говорятъ. Чтобы пополнить этотъ недостатокъ, рѣшили они, съ общаго приговора главныхъ отцовъ своихъ и попечителей, взять за образецъ уставъ отступниковъ, какъ они называли поморянъ.

Вслѣдствіе этого рѣшенія, Илья Алексѣевъ Ковылинъ, какъ главный всему дѣлу заводчикъ, съ нѣкоторыми отборными послушниками отправился въ Поморье. Осмотрѣвъ весь порядокъ и чиносодержаніе, Ковылинъ выпросилъ себѣ точное всему описаніе. Поморяне не только въ этомъ не отказали посланному, но еще вмѣнили себѣ въ честь, что столь строгіе и гордые еедосѣвцы согласились заимствовать у нихъ образъ жизни. Несмотря, однако, на самый благочтимый и радушный пріемъ со стороны поморянъ, Ковылинъ охранялъ себя отъ сообщенія съ ними не только въ молитвѣ, но въ пищѣ и питьѣ; даже воду изъ помореннаго колодца доставалъ своимъ черпаломъ, и тѣмъ, конечно, доказалъ, какъ еедосѣвцы непріязненны къ поморянамъ за моленіе о царѣ.

Такимъ образомъ, изъ поморскихъ дебрей пришелъ къ еедосѣвцамъ законъ, по правиламъ котораго они все и учредили у себя въ новопостроенной часовнѣ.

Но напередъ надлежало эту часовню иконами украсить, наподобіе поморской. Иконъ собственно было довольно, но недоставало большихъ мѣстныхъ образовъ, особливо древнихъ, которые бы темностью красокъ представляли важность стародавней еедосѣвской вѣры и тѣмъ бы поражали слабоумныхъ ново-приходящихъ никоніанъ.

ГЛАВА V.

Илья Алексѣевичъ Ковылинъ и его безчинства.

Илья Алексѣевъ жилъ прежде на Неглинной рѣчкѣ, близъ Кузнецкаго моста, въ приходѣ церкви Свѣтѣ Анастасіи (нынѣ церкви этой уже не существуетъ), въ которую хотъ и никогда молиться не хаживалъ, но узналъ, что церковь эта при благолѣпіи своемъ, отъ старинныхъ строителей, снабжена прекрасными и дорогими (въ своемъ родѣ) древними большими мѣстными иконами, подобными тѣмъ, какія находятся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Илья Алексѣевъ не упустилъ случая познакомиться съ священникомъ упомянутой церкви, приласкалъ причетниковъ и предложилъ, что ежели они отдадутъ ему тѣ иконы, то онъ имъ дастъ денегъ, а иконы замѣнить точно такими же, но лишь новаго письма. Священникъ, по бѣдности прихода, польстился на предложеніе, взялъ деньги, отдалъ иконы, а новыя поставилъ на ихъ мѣсто.

Скоро это, однако же, было открыто; священникъ въ своемъ поступкѣ сознался и былъ лишенъ священ-

ства. Илья Алексѣевъ неизвѣстно куда-то на то время скрылся. Дѣло въ сенатѣ было рѣшено тѣмъ, что продавецъ законно наказанъ, покупатель не отысканъ, а иконы, по показаніямъ Ѳедосѣевцевъ, во время какого-то небывалаго пожара сгорѣли, но въ дѣйствительности очутились въ Преображенскомъ, опять на своемъ мѣстѣ, невредимыми. Въ народѣ же былъ пущенъ преображенцами слухъ, что будто бы эти иконы—изъ Успенскаго собора, которыя въ нижнемъ ряду стоятъ, и куплены будто бы тогда, когда въ соборѣ была возобновлена стѣнная живопись, и онъ находился въ то время безъ иконъ. Многихъ это смутило; многіе, изъ простого народа особенно, и теперь этой выдумкѣ еще вѣрятъ.

Ѳеодосій Васильевъ крестилъ въ священническихъ поручняхъ; послѣдователи его этого не дѣлали. За покупаемую на общихъ рынкахъ провизію Ѳедосѣевцы, какъ уже было упомянуто, опредѣлили полагать по сто поклоновъ, а для того, чтобы во время молитвы благодать удобнѣе входила въ горшки, провертывали въ печахъ дыры. Вотъ до какого комизма доводитъ человѣка суевѣріе и невѣжество! Ѳедосѣевцы чужимъ иконамъ не молятся, да и свои скрываютъ по возможности отъ постороннихъ.

Одинъ солдатъ однажды полюбопытствовалъ посмотрѣть ихъ богослуженіе. По окончаніи службы въ часовнѣ, онъ поклонился лежащей на аналогіи иконѣ и поцѣловалъ ее; Ѳедосѣевцы оцѣпенѣли отъ страха, думая, что брадобривца за такое прикосновеніе огонь отъ иконы спалить.

Но такъ какъ все обстояло благополучно, то во-

образили они, что окаянный солдатъ своимъ лобзаніемъ присутствующую благодать прогналъ, за что опредѣлили ту икону отлучить отъ часовни или бросить въ огонь. Но Илья Алексѣевъ удержалъ отъ этого своихъ изувѣровъ. Онъ приказалъ тотчасъ же подать свѣжей воды, которою облилъ образъ, отеревъ его полотенцемъ, опять поставилъ на свое мѣсто и, собравъ братію, соборнѣ положилъ начало и нѣсколько еще поклоновъ, — чѣмъ будто бы возвратилъ отогнанную нечестивцемъ благодать. Разумѣется, со стороны Ковылина это была удачная выходка, потому что на вопросъ одного священника, для чего онъ это сдѣлалъ и надо ли бы было это, — отвѣчалъ: „велика есть добродѣтель, чтобы не подать ближнему соблазна; а нашимъ, совѣстію немощнымъ, всегда потребно снисхожденіе“

Изъ этого ясно, кажется, какъ эти лжеучители умѣли держать своихъ послушниковъ въ невѣжествѣ, чтобы черезъ просвѣщеніе не открылись обманы. А слѣпцы-послушники, по предубѣжденію, признавали обманщиковъ за людей священныхъ, ввѣря имъ не только церковную службу, но и самыя души свои.

Мужикъ-самозванецъ владѣетъ у нихъ ключами вязанія и рѣшенія, которые принадлежатъ однимъ лишь законнопризваннымъ и священнымъ лицамъ.

Но какъ ни послушны и ни привержены эти овцы къ своимъ пастырямъ, однако, умѣютъ и сами надъ ними оказывать власть свою. Они ихъ судятъ, отлучаютъ и извергаютъ, какъ то, на примѣръ, случилось въ 1778 году, въ Петербургѣ. Одного наставника осудили архіерейскими и іерейскими правилами, взятыми

изъ Кормчей книги, и отъ чина отлучили слѣдующимъ порядкомъ. Лѣтъ за сорокъ до этого въ Петербургѣ было не болѣе 7—8 человѣкъ еедосѣевцевъ. Это малое стадо выбрало себѣ въ наставники и духовники одного праздношатающагося и безграмотнаго мужика, который, научившись кое-какъ читать, справлялъ у нихъ всю церковную службу и начальствовалъ болѣе тридцати лѣтъ.

Но когда еедосѣевское общество возрасло уже до тысячи душъ, и даже болѣе, между которыми было не мало богачей и отчасти такихъ, которые понимали явное невѣжество своего наставника, всѣ его недостатки и пороки, то, по общему совѣту, рѣшились писать въ Москву къ преображенцамъ, то есть къ собратамъ своимъ, чтобы они дали имъ другого пастыря съ достоинствами и безъ пороковъ, а настоящаго по правиламъ бы судили, ибо онъ несвѣдущъ въ грамотѣ и великій сребролюбецъ. Сверхъ того, крылошанъ слабо держитъ и попустилъ имъ во всѣхъ соблазнахъ и распутствахъ; службу Божию безъ книгъ и безъ пѣнія по одной псалтыри или по лѣстовкѣ въ часовнѣ править; ко всякимъ мірскимъ (то есть не ихъ согласія) въ дома входить, Христа славить и подарки оттуда получаетъ, и за таковыхъ Бога молить, а за умершихъ ихъ псалтырь читаетъ, духовника для себя не имѣетъ, а исповѣдовался однажды у какого-то неизвѣстнаго мужика, по справкамъ не у перекрещиванца....

Московскіе еедосѣевцы давно уже желали устранить безграмотнаго учителя и доставить его мѣсто кому-нибудь изъ своихъ.

Поэтому вскорѣ составили у себя сходку, на которую вызывали къ отвѣту петербургскаго „пастыря“ съ тѣмъ, чтобы, залучивъ его въ свои руки, оставить безъ возврата себѣ, а на его мѣсто послать другого. Хотя многіе петербургскіе раскольники и поддерживали своего стараго наставника, опираясь, главное, на то, что опредѣленіе его было не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, а потому онъ и не можетъ отъ своего мѣста отлучиться, но московскіе начетники на каждую вину подвели изъ Кормчей книги правила, которыя за такіе пороки отлучаютъ и изъ сановъ извергаютъ епископовъ и священниковъ. Сдѣлавъ подобное объясненіе, выбрали изъ своей братіи Петра Ѳедорова, польскаго наставника Ѳедота Никифорова и Илью Алексѣева посланниками въ Петербургъ. Эти посланные, сотворивъ судъ, прежняго наставника отставили, а на его мѣсто возвели новаго.

ГЛАВА VI.

Насилія надъ беззащитными дѣвицами-безбрачницами. „Заупокойный псалтирь“.

При Ильѣ Ковылинѣ Преображенское кладбище благоденствовало. Внутренняя жизнь населявшихъ его жителей текла мирно, спокойно и не нарушалась никакими волненіями; всѣ отношенія ко внѣшней власти хлопотливо улаживалъ самъ строитель этого огромнаго заведенія, Илья Ковылинъ. Различныя предположенія о чемъ-либо порочномъ, могущемъ произойти въ этой порочной „палестинѣ“, Ковылинъ ловко маскировалъ и замазывалъ.

Илья Ковылинъ былъ рожденъ и воспитанъ въ православіи; но женился на одной еедосѣянкѣ и въ послѣдствіи, подчинившись вліянію своей жены, тоже перешелъ въ еедосѣевство. По требованію еедосѣевскихъ правилъ онъ развелся съ женой спустя пять лѣтъ послѣ брака, но, слабая по природѣ здоровьемъ, его жена недолго жила послѣ развода; вскорѣ послѣ того она зачахла, и не прошло одного года, какъ она померла.

Какъ истый, настоящій еедосѣвецъ, Илья Ковылинъ стяжалъ себѣ расположеніе еедосѣвскихъ наставниковъ еще тогда, когда ничѣмъ не заявилъ себя въ еедосѣвскомъ мірѣ; а когда сдѣлался солиднымъ лицомъ—попечителемъ Преображенскаго кладбища,—тогда онъ не зналъ на себѣ никакой еедосѣвской власти. Весь руль управленія еедосѣвскимъ обществомъ онъ держалъ у себя въ рукахъ; наставники-еедосѣвскіе гнулись предъ его гордою мощною личностью, какъ говорится, въ три погибели.

О всѣхъ безчинствахъ и беззаконіяхъ, о страшномъ развратѣ, царившемъ на Преображенскомъ кладбищѣ, было много говорено. Самъ Ковылинъ часто посѣщалъ кладбище по дѣлу и безъ дѣла. Ему пріятно было посмотрѣть тамъ на молодыхъ клирошанокъ, въ которыхъ заключался весь цвѣтъ еедосѣвской молодежи.

Мы приведемъ для болѣе яркой иллюстраціи отрывокъ изъ письма оболыщенной дѣвушки къ своему отцу-еедосѣвцу.

„Батюшка мой родной! Я не могу повѣрить, что ты вспомнилъ обо мнѣ. Мнѣ сказали наши наставники, что вы уже померли. Когда я подумаю, что я могу, наконецъ, тебя увидѣть, божественная теплота разливается по всему моему тѣлу. О, сколько подлости, сколько черноты, грязи, нечестиваго фарисейства заключается во всемъ ихъ еедосѣвскомъ ученіи. Въ своихъ лицемѣрныхъ правилахъ проповѣдуютъ они сохранять чистоту, велятъ разводиться мужу съ женою, внушаютъ не жить въ одномъ домѣ съ своими дѣтьми, но повелѣваютъ ихъ отдавать въ чу-

жія руки и бросать на произволъ судьбы, — и сами, въ глубинѣ своей души, смѣются надъ своими же законами и говорятъ, что они установлены для безумцевъ. Но что же это за грязное болото? Боже мой?! Неужели это есть истинная Христова вѣра, въ которой на словахъ проповѣдуется обязательное всѣмъ дѣвство, а на дѣлѣ совершаются такіе подлые поступки, жертвою которыхъ сдѣлалась и я, несчастная. Нѣтъ! это не только не православная вѣра, но это хуже магометанской... хуже всякой!.. Но ни брани меня, милый батюшка, ни за что. Я неповинна ни въ чемъ, я чиста, и Богу отвѣтъ ни за что не отдамъ. Тебѣ, быть можетъ, наставники наговорили что-нибудь: не вѣрь ихъ льстивымъ словамъ, они фарисеи, лицемеры, зловреднѣйшіе фанатики. Всѣ ихъ слова неправильны, ложны. Но когда ты узнаешь отъ меня, своей дочери, настоящую истину и горькую дѣйствительность моей жизни, тогда я, надѣюсь, буду права предъ тобою и не упрекнешь меня ни въ чемъ, ни однимъ словомъ, но вмѣстѣ со мною осудишь, проклянешь всѣ еедосѣевскіе порядки съ ихъ лицемернымъ и нечестивымъ ученіемъ о всеобщемъ дѣвствѣ... Охъ, мнѣ страшно и высказать, что за безобразія чинятся въ этой суевѣрной средѣ, въ этой грязи, въ этомъ мутномъ болотѣ, только считающемъ себя настоящими христіанами. Прости меня, батюшка, Христа ради, что я такъ дерзко отзываюсь объ нихъ, но они заслуживаютъ этого своими дѣлами. Они достойны не только Божьяго наказанія по смерти, но еще здѣсь, на этомъ свѣтѣ, они должны понести человѣческое правосудіе со всею строгостью закона за тѣ ужасныя

преступленія, какія здѣсь совершаются. Сколько я видѣла здѣсь погибшихъ добрыхъ дѣвушекъ, и погибшихъ въ самой ранней молодости, въ совершенно незрѣломъ еще разумѣ, и вотъ одна изъ нихъ я, несчастная. Посмотри, мой дорогой батюшка: всѣ эти огромные дома Преображенскаго кладбища, большею частью населены цвѣтущею молодежью. Но какъ они всѣ воспитаны? Имъ всѣмъ внушено, что бракъ есть гибельное дѣло, ужасная ересь, но вѣдь молодые годы даютъ себя чувствовать всякому. И вотъ молодые люди, населяющіе этотъ вертепъ, за неимѣніемъ брака, невольно увлекаются въ мерзкіе, называемые здѣсь „тайные“ пороки. Нравственное чувство въ отношеніи сознанія всей гнусности этой развратной жизни у нихъ до конца изглажено существующимъ здѣсь ученіемъ. Но увлеченія, хотя бы они были и „тайныя“, мало проходятъ безъ послѣдствій, и съ этими послѣдствіями Ѳедосѣевская молодежь не церемонится: она обращается къ искусству—тайно скрывать плоды преступленія, а иногда даже и совсѣмъ истреблять эти несчастные плоды „тайныхъ“ паденій. Всѣ, дѣлающіе такъ, нисколько не наказываются наставниками и попечителями, но считаются настоящими христіанами и остаются на своихъ старыхъ мѣстахъ. Мнѣ самой нашъ старшій наставникъ, когда я обратилась къ нему, сказалъ: „коли хочешь начисто покаяться, то вотъ что сотвори: отошли его (моего ребенка) на тотъ свѣтъ молитвенникомъ. Онъ будетъ мученикомъ и за тебя и за насъ тамъ Бога умолитъ, вотъ всѣ грѣхи съ тебя какъ рукою снимутся. Вонъ зри синеватую рябь Хапиловки, сколько она спасла

христіанскихъ душъ, сколько проводила въ едемскій рай?! Аще тако устроєши, дѣломъ покажєши свое усердіє къ нашему обычаю, тогда мы съ готовностію прїимемъ тебя въ наше селеніє и предоставимъ тебѣ удобства въ жизни“.

„Но не такъ поступаютъ наставники съ тѣми, которыя или не сумѣютъ или не захотятъ прикрыть свое „тайное“ согрѣшеніє. Эти подвергаются наставниками и попечителями строжайшимъ эпитеміямъ, а въ случаѣ упорства и худшему... О, какъ все это неправильно, противно, возмутительно устроєно!.. Но я... я... признаюсь тебѣ батюшка, мой дорогой неоцѣненный родитель, я сначала жила хорошо, молилась и постилась много и считала здѣшніє порядки благочестивыми и спасительными, до тѣхъ поръ покуда не свалилась съ моихъ глазъ повязка, закрывающая настоящій видъ всего нечестиваго еедосѣвскаго ученія... Я тогда только все это увидѣла, о чемъ сейчасъ рассказывала тебѣ, когда я неожиданно сдѣлалась — страшно и прискорбно вспомнить — беззащитною жертвой сластолюбивой похоти самого еедосѣвскаго главаря. Но прости, прости...“ и т. д.

Такъ устами своей героини говоритъ извѣстный знатокъ еедосѣвцевъ, Ѳ. Кругловъ.

Изъ этого письма мы видимъ, до какого неистоваго безобразія доходили еедосѣвцы съ своимъ необузданнымъ насиліємъ надъ беззащитными дѣвцами, посвятившими себя безбрачію.

Но ученіє еедосѣвцевъ и само по себѣ развращающе дѣйствовало на своихъ послѣдователей. Молоденькія дѣвушки, съ раннихъ лѣтъ наученныя ду-

мать, что бракъ есть погибельное дѣло, никогда и не мечтали о замужествѣ, почему у нихъ и исчезало всякое понятіе о нравственности, о правилахъ чести.

Богатый „благодѣтель“, посѣщая кладбище, никогда ни преминавалъ заглянуть и на женскую половину, на молодыхъ клирошанокъ, изъ которыхъ могъ выбирать какую ему угодно. Но—о, ужасъ!—иногда какая-нибудь изъ этихъ дѣвицъ, не знавшая еще всѣхъ порядковъ этого богомерзкаго „заведенія“, вызывала сопротивленіе, и тогда на сцену выступали уговоры, наказанія, наложенія эпитемій, и въ концѣ концовъ, въ случаѣ упорнаго сопротивленія, обращались къ „заупокойному псалтырю“. Это дѣлалось такимъ образомъ. „Благодѣтель“ просилъ назначить приглянувшуюся ему клирошанку къ нему въ домъ для чтенія въ продолженіе трехъ сутокъ псалтыря по его покойнымъ родственникамъ. И вотъ беззащитная непокорная дѣвица препровождалась на домъ къ „благодѣтелю“, гдѣ, измученная, истерзанная, становилась жертвою необузданной алчности еедосѣвца...

ГЛАВА VII.

Дѣтоубійства на Преображенскомъ кладбищѣ. Хапиловскій прудъ, какъ мѣсто сокрытія. Исповѣдь еедосѣевцевъ по „почтѣ“.

Исторія еедосѣевцевъ давно извѣстна, и цѣлыми сотнями официальныхъ дѣлъ засвидѣтельствованы факты изъ жизни этой мрачной секты — факты повального разврата и, какъ слѣдствія разврата—дѣтоубійства. Одного неопровержимаго факта, что при обслѣдованіи Преображенскаго кладбища лицами правительственными въ Хапиловскомъ пруду неводами выловлено было огромное число утопленныхъ еедосѣевцами дѣтей, достаточно, чтобы сказать еедосѣевцамъ, что они морочатъ незнающихъ людей, утверждая, будто дѣтоубійства не было въ еедосѣевской сектѣ. Дикая и противуестественная догма еедосѣевцевъ, что бракъ есть несчастіе и всѣ люди должны быть дѣвственниками, запечатлѣна даже въ книгахъ, писанныхъ рукою самихъ же раскольниковъ и хранящихся въ публичной библіотекѣ. Самъ Ковылинъ во главу еедосѣевской секты положилъ слѣдующія

слова: „браки предъ Богомъ — блудъ, который будетъ наказанъ вѣчнымъ огнемъ... и потому, если люди вступятъ въ бракъ, то погибнутъ...“.

Болѣе благоразумные изъ еедосѣвцевъ, впоследствии, видя всю противоестественность этой догмы, не рѣшались предаваться аскетизму и, сходясь на сожитіе съ женщинами, удерживали при себѣ дѣтей. У еедосѣвцевъ такіе люди сдѣлались извѣстны подъ именемъ „новоженовъ“.

Никому такъ коротко не извѣстны, конечно, еедосѣвцы, какъ раскольникамъ же другихъ толковъ; между прочимъ нѣкто раскольникъ Андреянъ Сергѣевъ такъ отзывался о современныхъ ему еедосѣвцахъ (рукоп. Публ. библ., л. 30):

Фараонъ — дѣтоубійца,
Иродъ — злобный кровопійца,
Грѣхъ тогда легчае былъ:
Мужескъ полъ одинъ убилъ;
Бракоборъ же (еедосѣвецъ) в zakonяетъ,
Оба пола умерщвляетъ.

Правительству и многимъ изъ публики хорошо извѣстенъ чинъ оглашенія еедосѣвцевъ, написанный во времена Кавылина, а въ этомъ чинѣ говорится на примѣръ: „Ежели кто желаетъ единолично въ цѣломудріи безженно жизнь проводить, таковой пріять будетъ (въ секту), а инако да отвержется“ (§ 9 чин. оглашенія).

„Аще бы дѣтемъ своимъ (родители) по крещеніи снискали какимъ-либо образомъ бракъ, тогда еще, яко пагубу дѣтемъ снискавшіе, отъ церкви Божіей отвергнутся и не примутся въ сообщеніе во вся дни жи-

вота, дондеже не расторгнуть беззаконнаго сочетанія чадъ своихъ“.

Не отражаются ли въ этихъ словахъ, во всей своей полнотѣ, духъ еедосѣвскаго ученія и завѣтныя цѣли отшельниковъ Преображенскаго кладбища?

Безпоповщинская догма безбрачія и поголовнаго на землѣ дѣвственничества тысячи женщинъ облакаетъ насильно въ хламиду монашескую съ раскольническими чотками, и вотъ какіе результаты этого противоестественнаго положенія несчастныхъ женщинъ.

Передъ нами лежитъ исповѣдь одной изъ тѣхъ несчастныхъ жертвъ противоестественной раскольнической догмы повальнаго дѣвственничества, которая насиліемъ своего положенія доводятся до омерзительнаго состоянія всѣхъ внутреннихъ помысловъ души. „Исповѣдь“ эта послана была *по почтѣ* начетчику, что дѣлывалось и дѣлается раскольниками, получающими тѣмъ же путемъ и разрѣшенія. Исповѣдь начинается такъ: „Г. И. Х. С. Б. П. Н. (т. е. Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ). Прости мя отче святой, согрѣшила предъ Владыкою и предъ тобою, всячески грѣшила отъ юности до сего времени. Ходила на игрища цѣловать мужчинъ... Чужого младенца грудью кормила... Цѣловала мужчинъ въ хоровахъ... На реляхъ (на качеляхъ) качалась... О миломъ бобами воровать ходила...

„На себя смерти просила отъ Бога и отчаялась... На образа гляжу, а сама мыслію блудъ творю... Съ кадила угли уронила, волосникъ надѣвала... Каялась, что въ скиту поселилась, и скверное помышленіе всегда помышляю, какъ въ міру жены живутъ съ мужьями...

Начотчикомъ соблазнилась, съ начотчикомъ цѣловалась тайно...

„Не вижу его, тоскую... Всякія скверныя мысли одолѣваютъ, по вся минуты плотію разжигаюсь... Увы! горе душѣ моей, заповѣдамъ Господнимъ преступница, Духа Святого оскорбительница! Прости мя, отче святыи, въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. Аминь!“

Мы болѣе половины грѣховъ выпустили изъ этой „Исповѣди“, такъ какъ выраженія эти совсѣмъ уже непечатныя, и когда читаемъ полную исповѣдь, то волосы дыбомъ становятся на головѣ. За человѣка страшно, страшно за сотни тысячъ женщинъ, до мозга костей нравственно растлѣнныхъ и заживо схороненныхъ въ душныхъ раскольничьихъ кельяхъ, недоступныхъ всякому наружному свѣту и самому голосу человѣчества... благодаря людскому равнодушію къ судьбѣ этихъ несчастныхъ и сѣтямъ, хитро разставляемымъ для нихъ пустосвятами-начотчиками.

Единовременная исключительная забота этихъ вязателей и разрѣшителей грѣховъ по почтѣ за мѣдные пятаки заключается въ томъ, чтобы подавить уместившую жизнь чуть не милліона русскихъ женщинъ и довести все ихъ внутреннее существо до омерзительнаго безобразія, по каплямъ вливая въ ихъ души ядъ нравственной отравы, взятой ужъ, конечно, не изъ ученія Христа... и заставляя ихъ видѣть за пологомъ раскольничьей келіи вѣчную гибель, адъ кромѣшный, грозныя проклятія и гибельныя громы, готовые разразиться надъ головою всякой, которая осмѣлится перешагнуть чрезъ эти пороги.

ГЛАВА VII.

Преображенское кладбище въ 1812 г.

Въ лѣтописяхъ раскольничьяго „Преображенскаго кладбища“ въ Москвѣ знаменательный 1812 годъ наполненъ событіями паденія и сожженія Москвы Наполеономъ І. Слухи о приближеніи французовъ къ Москвѣ, распространившись по городу, скоро дошли и до Преображенскаго раскольничьяго кладбища. 1 сентября 1812 года наша армія выступила, какъ извѣстно, изъ Мамонова къ Москвѣ, гдѣ по общему убѣжденію должно было побѣдить или пасть... Москва не знала, что съ нею будетъ? О ея судьбѣ на Поклонной горѣ князь Кутузовъ, 1 сентября въ собраніи первенствующихъ генераловъ, думалъ великую думу... Москва разстилалась предъ нимъ среди осенняго утра во всей красотѣ своей.

На раскольничьемъ „Преображенскомъ кладбищѣ“, въ одно время съ Кутузовымъ, думали тоже великую думу старшины-безпоповцы, и дума эта была далеко не патріотическая... Тѣнь ересіарха Ильи Ковылина

витала надъ головами пустосвятовъ и внушала имъ мысли далеко не похвальные... Скованные по рукамъ и ногамъ узкой и жалкой догмой, они сами не вѣдали, что творили.

Князь Кутузовъ, какъ извѣстно, заключилъ засѣданіе военнаго совѣта слѣдующими словами: „Съ потерю Москвы не потеряна Россія. Первою обязанностью поставлю сохранить армію. Уступленіемъ Москвы приготовимъ мы гибель непріятелю. Знаю, отвѣтственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага отечества. Съ нами Богъ, приказываю отступать!“ Приговоръ Москвѣ, такимъ образомъ, былъ подписанъ.

Но замѣчательно, что въ то же время происходило послѣднее совѣщаніе и старшинъ „Преображенскаго кладбища“ объ участіи его. Настоятель Гончаровъ, въ присутствіи Грачева, Сергѣя Яковлева и многихъ богатыхъ еедосѣевцевъ, порѣшилъ: оставить попечителя Алексѣя Никифорова съ нѣкоторыми изъ прихожанъ на кладбищѣ и въ случаѣ овладѣнія Наполеона I-го Москвою отдаться подъ его покровительство... Кутузовъ, подписавъ сдачу Москвы, всю ночь не могъ уснуть и нѣсколько разъ плакалъ: такъ любилъ онъ отечество свое. Совѣтъ же фанатиковъ „Преображенскаго кладбища“ заключилъ засѣданіе свое словами предательства. Да проститъ потомство невѣжественному фанатизму его политическіе грѣхи! Дурная религія всегда ведетъ людей къ умственному и моральному оупленію, и лишь добрая религія благопріятствуетъ развитію высокихъ и благородныхъ чувствъ и ведетъ народы по пути истинной цивилизаціи...

Нѣчто другое мы видимъ въ православной паствѣ

московскаго населенія. Улицы Москвы запрудились ратниками въ смурыхъ кафтаныхъ и съ крестомъ на шапкѣ съ надписью: „За вѣру и царя“. Два архимандрита носили икону Смоленской Божіей Матери по церквамъ и площадямъ: синодальные пѣвчіе пѣли канонъ Заступницѣ усердной, впереди шли хоругви. Изъ каждой церкви, мимо которой слѣдовало шествіе, духовенство выходило на срѣтеніе съ крестами, звонили въ колокола; народъ православный восклицалъ: „Матерь Божія, спаси землю русскую и нашего царя!“

Среди всего этого трогательнаго зрѣлища любви народа къ царю и отечеству одни пустосвяты-ефедосѣевцы, оставшіеся въ Москвѣ, по выраженію одной раскольнической рукописи, выказали полное окаменѣніе сердець...

Какъ статуи языческія съ каменными глазами, выглядывали они изъ оконъ запертыхъ домовъ своихъ и бормотали какія-то причитанія, перебирая свои кожаныя лѣстовки...

За „Преображенское кладбище“ свое они были спокойны, потому что попечители ихъ еще заранѣе, по однимъ слухамъ о приближеніи Наполеона, озаботились отправить изъ Преображенскаго кладбища наличный капиталъ, всѣ драгоцѣнности и молодыхъ женщинъ и дѣвокъ, числомъ до 250 лицъ, въ село Ивановское Владимирской губерніи; съ ними поѣхали настоятели Гончаровъ, купецъ Грачовъ и наставникъ Сергѣй Яковлевъ.

Въ 4-мъ часу ночи Москвѣ было возвѣщено объ окончательномъ обреченіи ее въ жертву Наполеону.

На улицахъ отъ выѣзжавшихъ поспѣшно экипажей было столь шумно, что словъ человѣческихъ слышать было невозможно. Вокругъ столицы запылали села, деревни. Огромное зарево разливалось во мракъ надъ Москвою.

По Владимирской дорогѣ тянулись обозы и раненые, толпились пѣшіе и конные. У Коломенской заставы движеніе народа и тяжестей смѣшалось съ движеніемъ войскъ. Миновавъ эту заставу, графъ Растопчинъ сказалъ: „Занавѣсъ опустился, моя роль сыграна?“

Здѣсь же у этой заставы, близъ старообрядческаго кладбища, князь Кутузовъ сошелъ съ лошади и сѣлъ на дрожки, обращенныя къ Москвѣ. Погруженный въ глубокую думу, облокотясь головой на руку, смотрѣлъ онъ на златоглавую столицу, прислушиваясь къ послѣднему ея дыханію. Отъ сонмовъ шедшаго народа и тѣснившихся экипажей и повозокъ пыль вилась столбомъ. Москва уходила изъ Москвы. На Преображенскомъ кладбищѣ наставникъ Пафнутій Леонтьевъ совершалъ полунощницу.

Настало 2 сентября,—понедѣльникъ. Въ полдень Наполеонъ, прибывъ на Поклонную гору и увидѣвъ подъ ногами своими Москву, воскликнулъ: „вонъ онъ, наконецъ, этотъ славный городъ!“ и, сойдя съ лошади, разсматривалъ положенную на траву карту, въ зрительную же трубу окрестности Москвы и стоявшія тамъ войска.

Въ этомъ положеніи онъ ждалъ депутатовъ изъ Москвы. Но увы, никто изъ преданныхъ царю и отечеству не явился предателемъ.

ГЛАВА IX.

Совѣтъ еедосѣевцевъ - измѣнниковъ. Посольство еедосѣевцевъ къ Наполеону и снаряженіе въ даръ быка. Развратъ французовъ на кладбищѣ.

Одни еедосѣевцы, отыскавъ въ матросской богатѣльнѣ воспитанника, умѣвшаго объясняться на французскомъ языкѣ, уговаривали его въ это время принять на себя обязанности посланника предъ лицомъ Наполеона и предательски снаряжали послѣднему подарки... Не дождавшись посольства отъ православнаго народа (послы преображенскіе еще снаряжались въ стѣнахъ кладбища), Наполеонъ приказалъ сдѣлать сигнальный выстрѣлъ, и авангарды его корпусовъ стали входить въ Москву.

Въ половинѣ пятаго часа 2 сентября 1812 года Мюратъ въѣхалъ въ Кремль и здѣсь же по немъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ. Православный ратникъ съ крестомъ на шапкѣ съ надписью; „за вѣру и царя“ бросился на одного польскаго офицера, принявъ его за Бонапарта, и убилъ врага прежде, нежели могли ему воспрепятствовать. За это „русскій Курцій“ тутъ же окончилъ жизнь подъ ударами враговъ! Изъ среди крестьянъ одинъ кинулся на офицера, бывшего

при орудіи, раздробилъ ему прикладомъ черепъ и рвалъ его лицо зубами. Такъ русскіе патріоты приняи врага въ Кремлѣ!

Между тѣмъ отъ Преображенской заставы двигалось посольство еедосѣвцевъ, съ предательскою покорностью врагу... Огромной величины быкъ съ веревкой на шеѣ, веденный двумя сторожами еедосѣвцами, открывалъ шествіе по улицамъ Москвы, по направленію къ Кремлю.

За быкомъ шелъ посланный, окруженный еедосѣвцами же, съ глубокою тарелкою, наполненною золотыми червонцами.

„Посольство“ пустосвятовъ предстало предъ коменданта Дюронеля и черезъ воспитанника матросской богадѣльни, выбраннаго для разговора на французскомъ языкѣ, объясняло, что общество древнихъ христіанъ, угнетаемое правительствомъ, но имѣющее по всей Россіи своихъ единовѣрцевъ, къ числу которыхъ принадлежитъ весь почти русскій народъ (разумѣется, тутъ была совершенная ложь!), покорясь Наполеону, какъ избавителю ихъ, проситъ его величество повелѣть оградить ихъ монастырь (мостыль, какъ они его называли) отъ всѣхъ военныхъ насилій и, уповая на милосердіе, признаетъ его своимъ государемъ. Съ симъ челобитьемъ повергнуты были и дары новому коменданту московскаго кремля. Такое посольство не могло не понравиться Дюронелю, тѣмъ болѣе, что оно было единственное и безпримѣрное..., и онъ, принявъ благосклонно покорную депутацію, обнадежилъ посланныхъ, что немедленно же за ними явится охранная стража французскихъ жандармовъ, которая

будетъ оберегать какъ самый монастырь, такъ и его окрестности.

Посланные возвратились съ радостью въ свой „мостыль“ и рассказали еедосѣвцамъ все видѣнное и слышанное. Еедосѣвскій наставникъ, Преображенскаго кладбища, Алексѣй Никифоровъ со старцами и „дѣвицами-безбрачницами“, оставленными на кладбищѣ въ нѣкоторомъ количествѣ на всякій случай..., для наполеоновскихъ гостей..., затянули гнусливымъ голосомъ во всю ночь каноны отъ радости великой о спасеніи и будущемъ всеобщемъ водвореніи еедосѣвской вѣры въ Россійскомъ государствѣ.

Такъ кончился день 2 сентября 1812 года!

3 сентября, въ одиннадцатомъ часу утра, Наполеонъ І-й, какъ извѣстно, въѣхалъ во внутрь города Москвы. Арбатъ былъ совершенно пустъ. Наполеонъ ѣхалъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ, безъ всякаго знака отличія. Впереди, на разстояніи сажень ста, ѣхали два эскадрона конной гвардіи. Подъѣхавъ къ кремлевскимъ стѣнамъ, онъ сошелъ съ лошади и сказалъ: „Вотъ эти гордыя московскія стѣны!“ Затѣмъ вступилъ въ чертоги русскихъ царей.

Въ это время запылали Гостиный дворъ и Каретный рядъ, и къ вечеру огонь, при поднявшемся порывистомъ вѣтрѣ, обратился въ одинъ огромный, неизмѣримый пожаръ.

На „Преображенскомъ кладбищѣ“ въ это время были полное спокойствіе и тишина. Туда еще рано поутру прибыли, согласно обѣщанію коменданта, французскіе жандармы, заняли входы у воротъ пріютовъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и коротко знакоми-

лись съ безбрачницами... продовольствуясь избыточно на счетъ монастыря. Въ полночь вокругъ Кремля ничего не было видно, кромѣ извивавшагося въ воздухѣ подъ облаками пламени. Въ эту ночь, съ 3 на 4 сентября, пожаръ достигъ высочайшей степени и нарушилъ равновѣсіе атмосферы. Среди противоположной борьбы стихій, вѣтра съ огнемъ, настали ужасы природы, и всепожирающее пламя, сквозь черныя тучи клубящагося дыма, устремлялось къ кремлевскимъ дворцамъ.

Головни начали падать въ Кремль; нѣсколько разъ загорался арсеналь. Все это побудило Наполеона на другой же день оставить Кремль, и онъ, 4 сентября въ 2 часа пополудни, чтобы не сгорѣть, выѣхалъ, оставивъ въ Кремлѣ для содержанія карауловъ баталіонъ гвардіи. Въ Петровскомъ дворцѣ Наполеонъ жилъ четыре дня, съ 4 по 8 сентября, пока пожары въ Москвѣ не стали утихать. Въ это время не существовало уже и четвертой части Москвы: стоялъ только обезображенный, ограбленный, дымящійся остовъ столицы. Курились пепелища, и громада золы въ окрестности на 40 верстъ покрывала землю. Нѣкоторые бивуаки въ Кремлѣ были построены изъ большихъ мѣстныхъ образовъ...

Безопасно и неприкосновенно стояло въ это время „Преображенское кладбище“. Входъ для русскихъ былъ закрытъ въ кладбище, но выходъ живущимъ въ немъ не былъ запрещенъ. Тамъ ежедневно служились полунощницы, часы и вечерни и распѣвались каноны за французовъ, хранителей и возстановителей раскольничьей вѣры въ Россіи...

ГЛАВА X.

Пріѣздъ Наполеона на кладбище. Фабрикація фальшивыхъ денегъ. Грабежъ ѳедосѣевцами Москвы.

Всякій день наряжался въ Кремль на караулъ одинъ полкъ, у каждаго двухъ отпертыхъ воротъ стояло по 106 пушекъ, а у заваленныхъ воротъ по 8 человѣкъ. Отданъ былъ приказъ—ни подъ какимъ предлогомъ не впускать ни одного русскаго въ Кремль; при всемъ томъ, одинъ изъ мрачныхъ ѳедосѣевцевъ пробрался туда съ 11 на 12 сентября за остатками древней церковной добычи, за что и были арестованы французскіе офицеры, бывшіе тогда на караулѣ.

Наполеону была передана весьма подробно рѣчь посланниковъ отъ „Преображенскаго кладбища“, предложившаго золото и быка новому царю Россіи... и вотъ онъ, вспомнивъ объ этомъ, лестномъ для него посольствѣ, хвастливо объявившемъ, что къ вѣрѣ пустосвятовъ-ѳедосѣевцевъ принадлежитъ почти весь русскій народъ въ Россіи, въ сопровожденіи неаполитанскаго короля и своей свиты, вздумалъ черезъ двѣ

недѣли по вступленіи въ Москву посѣтить лично Преображенское кладбище. Въ это время нѣкоторыя церкви католическаго и лютеранскаго исповѣданія были открыты и въ нихъ безпрепятственно отправлялась божественная служба, православныя же церкви и монастыри стояли большею частью сожженными и разграбленными.

Нѣкоторыя церкви были обращены въ казармы, другія въ магазины, конюшни и бойни; во всѣхъ престолы были сдвинуты съ мѣстъ и святость храма поругана. У Красныхъ воротъ устроена была мишень изъ образовъ, для стрѣльбы въ цѣль. Изъ Вознесенской церкви на Гороховомъ полѣ солдаты похитили, съ другими вещами, брачныя мѣдныя вѣнцы, надѣвали ихъ на медвѣдя и заставляли его плясать.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Кремля въ „Преображенское кладбище“ въ мундирѣ темно-зеленаго сукна, съ краснымъ воротникомъ, безъ шитья, со звѣздою на лѣвой сторонѣ, съ лентою по камзолу и въ низенькой трехугольной шляпѣ на простой польской лошади. При первой встрѣчѣ съ нимъ, православныя убѣгали прочь, еедосѣвцы же спокойно и привѣтливо смотрѣли на поѣздъ изъ оконъ ихъ уцѣлѣвшихъ домовъ.

Въ одномъ переулкѣ, близъ Охотнаго ряда, бывшимъ мѣстѣ жительства знаменитаго Ковылина, гдѣ остались цѣлыми его дома, завѣщанные Преображенскому кладбищу, еедосѣвцы вышли изъ этихъ домовъ и съ умиленіемъ стали въ грязи на колѣни, простирая къ Наполеону вѣрноподданнически руки... На улицахъ по мостовымъ встрѣчалъ Наполеонъ разбросанныя,

разорванные или разломанные люстры, зеркала, посуду, мебель, картины, книги, церковные утвари, на площадях трупы людей, убитых, сгорѣвшихъ: никто не убиралъ человѣческихъ тѣлъ.

Къ принятію Наполеона преображенцы приготовились заранѣе, извѣщенные правителями Москвы, и вышли ему навстрѣчу съ измѣнническимъ хлѣбомъ и солью, которые поднесъ Наполеону стоявшій впереди всѣхъ Алексѣй Никифоровъ... Спустя нѣсколько дней, въ занимаемую унтеръ-офицеромъ жандармовъ контору кладбища привезены были станки для печатанія фальшивыхъ русскихъ ассигнацій... и стукъ станковъ мѣшался съ гнусливымъ пѣніемъ Ѳедосѣевцевъ, молившихся за своего новаго царя...

Не то мы видимъ въ православныхъ паствахъ Москвы! Ровно двѣ недѣли со вступленія Наполеона въ Москву не было въ ней православнаго богослуженія и не оглашалась она благовѣстомъ, и лишь 15-го сентября священникъ кавалергардскаго полка Граціаній, взятый въ плѣнъ французами, выпросилъ дозволеніе совершать службу Божію, но съ условіемъ, чтобы не было возбранено ему молиться о Россійскомъ Государѣ и поминать на эктеніи Императорскій домъ, вмѣсто Наполеона.

Такъ тянулся весь сентябрь мѣсяцъ въ Москвѣ для православныхъ и Ѳедосѣевцевъ! Что же дѣлали Ѳедосѣевки-безбрачницы, привезенныя въ село Ивановское? Дочь попечителя Драчева размѣстила ихъ и подкидышей въ лучшихъ избахъ, платя щедро обывателямъ за квартиры; съ помощью бывшей при ней, въ видѣ приказчицы, Ѳеклы Ефимовой, она продовольствовала

ихъ со всѣмъ избыткомъ; работники съ фабрики ея отца, за ней послѣдовавшіе, имъ прислуживали. Село Ивановское, и до того богатое, обогатилось еще болѣе отъ щедрой жизни вновь прибывшей общины Преображенской и не одна сотня жителей чрезъ связь съ ней совратилась отъ православія.

Вторая половина сентября мѣсяца для Преображенскаго кладбища также прошла благополучно, какъ и первая. Нерѣдко появлялись непріятельскіе отряды въ окрестностяхъ кладбища, но жандармы воспрещали имъ приближаться къ его стѣнамъ, напоминая объ охранныхъ листахъ, выданныхъ Наполеономъ. Между тѣмъ Наполеонъ I вторую половину сентября скучалъ въ Кремлѣ, въ ожиданіи мирныхъ предложеній отъ императора Александра I. Не дождавшись ни покорности, ни отвѣта на свои предложенія отъ Александра I, Наполеонъ послѣ 30 сентября началъ думать объ оставленіи Москвы, тѣмъ болѣе что къ концу сентября заморозки становились по ночамъ чувствительны для непривыкшихъ къ холоду и легко одѣтыхъ непріятельскихъ войскъ. Небо задернулось сѣрыми осенними тучами, заморосили дожди, задули осенніе вѣтры, выпалъ даже мелкій снѣгъ, предвѣстникъ зимы; наступали холода.

1 октября Наполеонъ I-й приказалъ, наконецъ, готовиться къ выступленію изъ Москвы; стали укладывать военную добычу, состоящую изъ деревяннаго московскаго герба, снятаго съ крыши сената, и слитковъ серебра и золота, натопленныхъ изъ окладовъ иконъ, а также и снятаго съ Ивана Великаго креста, назначеннаго Наполеономъ для новой церкви, пред-

положенной выстроить близъ Лувра. Всѣ войска выступили изъ Москвы и расположились за заставою на старой Калужской дорогѣ. Простились тогда и преображенцы съ охранительною гвардіею жандармовъ, которые получили на дорогу низкіе поклоны и благодарность старшинъ, а нѣкоторые — сердечные вздохи безбрачницъ, оставшихся съ залогами дружбы... отъ любезныхъ охранителей кладбища.

На утро седьмого октября войска Наполеона тронулись въ походъ, оставивъ въ Москвѣ тридцать тысячъ человѣкъ, погибшихъ во время 6-ти недѣльнаго пребыванія Наполеона въ Москвѣ, то отъ пожара и болѣзней, то отъ руки русскихъ патріотовъ, оставшихся въ Москвѣ. На разстояніи отъ Москвы болѣе 30 верстъ тянулось въ 4 ряда болѣе 10.000 каретъ, колясокъ, дрожекъ, бричекъ, фуръ и телѣгъ, нагруженныхъ продовольствіемъ и награбленною добычею. За арміею ѣхала стая распутныхъ женщинъ и нѣсколько еедосѣвокъ-безбрачницъ, сбѣжавшихъ съ кладбища.

Вслѣдъ Наполеону раздавались проклятія православныхъ жителей Москвы, которые появлялись изъ подваловъ и развалинъ и нападали въ глухихъ улицахъ на отсталыхъ и запоздавшихъ непріятелей, бросая нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рѣку и побивая камнями, взятыми съ мостовой. Съ наступленіемъ мрачной осени и туманной ночи на 8 октября, въ 2 часа ночи, внезапно выстрѣлили изъ пушекъ и раздался необычайный грохотъ. Небо запылало багровымъ заревомъ: кремлевскія башни и стѣны летѣли къ облакамъ, и горѣлъ дворецъ, зажженный въ то же время. Посягнувъ на кремль, Наполеонъ въ пламени

капитолія русскаго царства зажегъ погребальные факелы своей славы. До 11 октября цѣлыхъ 3 дня Москва оставалась безъ всякихъ войскъ непріятельскихъ и русскихъ, безъ всякаго начальства и присмотра.

Обезпеченные безопасностью, наставники еедосѣвскіе не теряли, однако, вожделѣннаго времени даромъ и горестные для русскихъ дни употребляли на святотатство въ горящей Москвѣ. Иванъ Коровинъ тащилъ древнія иконы изъ Срѣтенскаго монастыря, Яковъ Михайловъ, Григорій Кириловъ изъ Успенскаго собора. Дерзкою рукой похищены въ это время нѣкоторые образа Божьей Матери и части мощей святыхъ Никифоромъ Тимоѣевымъ. Кремль своими древними святынями не удовлетворялъ ихъ ^аличности... Они, перетаскивая ни себѣ тяжести, наваленныя французами обкрадывали приходскія церкви, похищали древнія иконы, прокрадываясь для того даже въ опустѣвшіе дома... Иногда за кусокъ хлѣба вымѣнивали древнія церковныя утвари у голодныхъ французовъ. Однимъ словомъ, можно сказать, что если враги Россіи похитили золото и серебро изъ храмовъ московскихъ, то оно частью пополнилось отнятіемъ его у нихъ, частью пожертвованіями русскихъ, которыхъ сердца горятъ не угасимою любовью, къ храмамъ Божіимъ; но ничто не можетъ возвратитъ живописи и дорогихъ церковныхъ старинныхъ вещей, похищенныхъ преображенцами: ими гордились и украшались московскіе церкви и соборы.

Генераль-майоръ Иловайскій 4-й вступилъ въ Москву лишь 11 октября. Увидя русскія войска, жители почитали себя возставшими изъ мертвыхъ и поздра-

вляли другъ друга, какъ въ Свѣтлое Воскресенье. При появленіи казаковъ на погорѣлищѣ Каретнаго ряда, первозажженнаго безкорыстною доблестью русскихъ, вышла женщина изъ развалинъ, взглянула на казаковъ, воскликнула: „Русскіе!“ и въ изступленіи радости, перекрестясь, поклонилась въ землю.

Послѣ погрома жители представляли къ военному начальству доставшіяся имъ по разнымъ случаямъ во время непріятельскаго нашествія сторублевая ассигнаціи французскаго на Преображенскомъ кладбищѣ издѣлія, такъ искусно сдѣланныя у гостепріимныхъ еедосѣевцевъ, что даже въ ассигнаціонномъ банкѣ приняли ихъ, съ перваго взгляда, за настоящія. Онѣ отличались отъ русскихъ ассигнацій только тѣмъ, что подпись на нихъ была выгравирована.

ГЛАВА XI.

Послѣдніе вѣдосѣевскіе дѣятели.

Когда безобразія на московскомъ Преображенскомъ кладбищѣ достигли огромныхъ размѣровъ, расхищеніе капиталовъ раскольничьихъ съ кладбища старшинами его и вообще безпорядки въ раскольничьемъ мірѣ достигли до геркулесовыхъ столбовъ, и нѣкоторые изъ раскольниковъ, что поумнѣе, сами обратились къ высшему правительству за помощью, прося неотложнаго вмѣшательства, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переборкѣ коноводовъ раскольничьихъ и высылкѣ ихъ изъ Москвы.

По правительственному разслѣдованію особенно вредными и нетерпимыми въ Москвѣ коноводами раскольничьими, Преображенскаго кладбища, оказались: Семень Кузьминъ, Ѳедоръ Гучковъ, Иванъ Стрѣлковъ, Константинъ Егоровъ и Егоръ Гавриловъ, которые должны были быть высланы изъ Москвы въ разныя губерніи, а нѣкто Бузинъ назначенъ къ отдачѣ въ Москвѣ подъ строгій надзоръ полиціи.

Семена Кузьмина опредѣлено было помѣстить во второклассный Крестовоздвиженскій мужской монастырь, Полтавской епархіи, и поручить настоятелю

сего монастыря принять его въ оный, по доставленіи туда гражданскимъ начальствомъ, при чемъ поступать съ нимъ кротко и снисходительно, съ пресѣченіемъ, однако же, ему средствъ сообщаться съ постронними, неизвѣстными настоятелю монастыря лицами и располагать его назидательными бесѣдами при удобныхъ случаяхъ къ оставленію своихъ заблужденій.

Изъ прочихъ лицъ, подлежащихъ высылкѣ изъ Москвы, назначены были: Ѳедоръ Гучковъ—въ Петрозаводскъ, Иванъ Стрѣлковъ—въ Вологду, Константинъ Егоровъ—въ Пензу и Егоръ Гавриловъ—въ Вятку, съ тѣмъ, чтобы они были высланы изъ Москвы съ принятіемъ всѣхъ мѣръ противъ укрывательства, и отправлены каждый подъ благонадежнымъ присмотромъ, по прибытіи же на мѣста представлены были начальникамъ губерній непосредственно.

Вслѣдствіе сего, бывшій настоятель Преображенскаго дома Семень Кузьминъ, 23 января 1854 года, въ 7 часовъ вечера былъ взятъ изъ Тверской части, гдѣ содержался арестованнымъ, и отвезенъ въ секретное отдѣленіе, находившееся въ домѣ генералъ-губернатора, а оттуда, около 10 часовъ вечера, былъ отправленъ, при двухъ жандармахъ, въ г. Полтаву.

Ѳедоръ Гучковъ и Егоровъ отправлены 27 января 1854 года вечеромъ, подъ присмотромъ жандармовъ, къ начальникамъ губерній, Гучковъ—олонецкому, а Егоровъ—пензенскому.

Наконецъ, 28 января и остальные коноводы—Стрѣлковъ и Гавриловъ—отправлены были вечеромъ, подъ присмотромъ жандармовъ, къ начальникамъ губерній, Стрѣлковъ—вологодскому, а Гавриловъ—вятскому

Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ лицахъ.

Старшій - настоятель Преображенскаго кладбища Семень Кузьминъ былъ цеховой, крещеный на Преображенскомъ кладбищѣ въ первый годъ его по учрежденіи, т. е. въ 1772 году; въ молодости онъ занимался мастерствомъ шелковыхъ издѣлій; съ 1806 года поселился на Преображенскомъ монастырѣ, былъ псаломщикомъ, уставщикомъ, помощникомъ настоятеля, а съ 1836 г. состоялъ въ званіи старшаго настоятеля и эконома. Семень Кузьминъ никакого личнаго состоянія не имѣлъ, но потомъ порядочно разжился на монастырскія денежки.

Купецъ Ѳедоръ Гучковъ въ 1875 году имѣлъ 75 лѣтъ, уроженецъ Калужской губерніи, былъ старшимъ попечителемъ Преображенскаго богадѣленнаго дома и пріобрѣлъ огромное состояніе, основанное, главнымъ образомъ, по всеобщему убѣжденію и донесеніямъ правительству, на капиталахъ Преображенскаго монастыря. Жилъ, однако, онъ въ 1853 году въ самомъ тѣсномъ и грязномъ помѣщеніи, разумѣется ловко отводя всѣмъ глаза, мелъ самъ дворъ, собиралъ старые гвозди и т. п. Постоянный разговоръ его заключался въ томъ, что настоящая жизнь есть ничто и что нужно помышлять о спасеніи въ будущей, что, однако, не мѣшало ему зашибать себѣ деньгу.

Ѳедоръ Гучковъ имѣлъ большое число приверженцевъ и огромное вліяніе на расколъ денежными средствами.

Когда московскія власти порѣшили вызвать старшинъ или такъ называемыхъ попечителей Преображенскаго богадѣленнаго дома и отобрать отъ cadaго

изъ нихъ порознь показанія о томъ, гдѣ хранится, какъ донесено было имъ, растроченный капиталъ, вырученный за недвижимыя имѣнія, дому сему принадлежавшія, то спрошенные попечители на допросъ объяснили: попечитель Ѳедоръ Гучковъ, что недвижимое имѣніе, принадлежавшее Преображенскому богадѣленному дому, заключавшееся въ домахъ и земляхъ въ Лефортовской части состоявшихъ, было продано, согласно Высочайшаго повелѣнія, разнымъ лицамъ, изъ коихъ мельница и два дома съ землями были проданы сыну его Ефиму Ѳедоровичу Гучкову и ему же были проданы, не упомнить (?) сколько именно, лавокъ въ городской части, на Варварской улицѣ; но въ какую именно сумму составилъ капиталъ, вырученный отъ продажи имѣнія, онъ не упомнить (?). Продажа производилась безъ вызова черезъ газеты, по вольнымъ цѣнамъ, по-домашнему, въ конторѣ Преображенскаго богадѣленнаго дома.

Попечитель Алексѣй Никифоровъ на допросъ отзывался, что, дѣйствительно, недвижимыя имѣнія, принадлежавшія Преображенскому богадѣленному дому, проданы были согласно Высочайшаго повелѣнія, и куплены Ефимомъ Ѳедоровымъ Гучковымъ; за сколько же именно онъ купилъ ихъ и въ какомъ количествѣ составилъ капиталъ, вырученный за проданныя имѣнія, нынѣ припомнить не можетъ. Сей капиталъ былъ положенъ въ сохранную казну на неизвѣстнаго, и билеты хранились у попечителя; впослѣдствіи же онъ, Алексѣй Никифоровъ, обще съ Гучковымъ, сей капиталъ изъ сохранной казны, безъ вѣдома правительства, получили для расходовъ по богадѣленному дому,

на что разрѣшенія отъ начальства не просили, а взяли по собственному ихъ, попечителей, усмотрѣнію, и наконецъ, весь этотъ капиталъ... израсходовали на разные предметы по богадѣленному дому, но отчетности въ израсходованіи сихъ денегъ никѣмъ требовано не было.

Экономъ Семень Кузьминъ отозвался, что капиталъ, вырученный отъ продажи имѣній, принадлежавшихъ Преображенскому богадѣленному дому, онъ не знаетъ, на какомъ основаніи былъ взятъ изъ сохранной казны. но это было сдѣлано по усмотрѣнію и распоряженію самихъ попечителей; разрѣшенія же отъ начальства получено не было. Деньги брались по мѣрѣ надобности, а не всѣ вдругъ; изъ нихъ употреблялись все на разные предметы; расходами завѣдывалъ онъ, Семень Кузьминъ, и деньги получалъ отъ всѣхъ попечителей, въ чемъ отчетности отъ него не требовалось, и потому свѣдѣній о семъ въ конторѣ богадѣленнаго дома не имѣется.

Такіе наивные отвѣты безконтрольных распорядителей чужими деньгами, разумѣется, не удовлетворили правительство, и оно потребовало отъ древлеблагочестниковъ, растратившихъ, а, можетъ быть, разобравшихъ чужія деньги по своимъ карманамъ, внести въ казну кладбища сумму, по крайней мѣрѣ равняющуюся той, за которую по купчей крѣпости, если не проданы, то переданы почетному гражданину Ефиму Гучкову имущества богадѣленнаго дома, т. е. 75,000 р. Виновные трусили, и сумма эта, наконецъ, была растратившими ее внесена и въ двухъ билетахъ опекунскаго совѣта составила, уже подъ надзоромъ прави-

тельствами, неприкосновенный капиталъ, проценты съ котораго поступали потомъ ежегодно на надобности Преображенскаго богадѣленнаго дома.

Вотъ какія дѣла совершались на пресловутомъ Московскомъ раскольничьемъ „Преображенскомъ кладбищѣ“, пока, наконецъ, правительство не подобрало къ рукамъ безконтрольныхъ распорядителей общественнымъ добромъ безпастушнаго стада раскольничьяго.

Но возвратимся къ высланнымъ изъ Москвы главарямъ раскола.

Федоръ Гучковъ, отправленный въ Петрозаводскъ, прибылъ туда 2 февраля 1854 г. и водворенъ на житье. Но въ самый день его туда прибытія прибыли изъ Москвы и жившіе тамъ на „Преображенскомъ кладбищѣ“ нѣкоторые изъ его почитателей съ цѣлью оставаться въ Петрозаводскѣ при Гучковѣ. На проѣздъ свой эти лица имѣли подорожную, а на отлучку паспортъ. Такъ какъ эти субъекты, по принадлежности своей къ Преображенскому въ Москвѣ кладбищу, могли въ Петрозаводскѣ быть очень вредны, а тѣмъ болѣе оставаясь при Гучковѣ, то тамошнія власти и приказали ихъ арестовать при полиціи, впродъ до особаго распоряженія, признавъ полезнымъ, не оставляя ихъ въ Петрозаводскѣ, возвратить съ жандармами въ Москву на ихъ счетъ и, кромѣ того, воспретить раскольникамъ какъ Преображенскаго, такъ и Рогожскаго кладбищъ не только не прибывать въ Петрозаводскъ для свиданія съ Гучковымъ, но и входить въ какія-либо съ нимъ сношенія, распространивъ это запрещеніе вообще на всѣхъ живущихъ на тѣхъ кладбищахъ.

Мѣры эти тѣмъ болѣе власти находили необходимы, что олонецкіе раскольники находились въ тѣсныхъ связяхъ съ московскими раскольниками и подъ видомъ свиданія съ Гучковымъ, хотя бы самыхъ близкихъ его родственниковъ, всѣ эти лица могли имѣть случай соединиться съ олонецкими раскольниками; пронырство и хитрость ихъ въ такихъ случаяхъ до того изощрены, что они ни малѣйшаго обстоятельства или случая не упускаютъ изъ виду, чтобы не воспользоваться ими въ свою пользу.

Остальные коноводы были доставлены: Константинъ Егоровъ въ Пензу, Иванъ Стрѣлковъ въ Вологду и Егоръ Гавриловъ въ Вятку.

Что же касается до Бузина, оставленнаго въ Москвѣ, то этотъ сектаторъ остался вѣренъ обычаямъ раскольника... Онъ не могъ оцѣнить снисхожденія къ нему и сталъ вести себя въ упоръ враждебно православію. Вслѣдствіе этого и онъ былъ назначенъ въ ссылку въ одинъ изъ городовъ Харьковской губерніи, куда 1 февраля 1854 года и былъ препровожденъ.

Такъ Москва избавилась отъ самыхъ злыхъ и самыхъ вредныхъ коноводовъ раскола. Въ это время Преображенское кладбище едва не погибло въ самомъ корнѣ. Въ немъ не только воспрещено было говорить торжественно совратительныя проповѣди, но и принимать для „призрѣнія“ приходящихъ; дозволялось лишь только доживать свои послѣдніе годы тѣмъ лицамъ, которыя были приняты издавна.

Въ шестидесятихъ годахъ Преображенское кладбище снова было вступило въ прежнее право своего существованія и, какъ бы въ благодарность за даро-

ванную свободу, съ новою силою стало продолжать свою мрачную дѣятельность, для описанія которой уже много-много было пролито чернилъ. Но все же оставшіеся безъ коноводовъ раскольники скоро почувствовали свои заблужденія. Съ этого момента начался лучшій періодъ въ исторіи Преображенскаго кладбища. На кладбищѣ явилось единовѣріе. Безобразія стали уничтожаться съ каждымъ годомъ, и въ этомъ притонѣ непотребства и расхищенія общественныхъ денегъ утвердилось единовѣріе и даже открытъ единовѣрческій монастырь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Глава I. Краткій очеркъ раскола	3
Глава II. Откуда произошли оедосѣвцы-безпоповцы. . . .	14
Глава III. Первые ихъ дѣятели и ихъ лжеученія	18
Глава IV. Основаніе оедосѣвцами Преображенскаго кладбища. Звѣрское убійство ими архіепископа Амвросія	23
Глава V. Илья Алексѣевъ Ковылинъ и его безчинства . .	26
Глава VI. Насилія надъ беззащитными дѣвицами-безбрачницами. „Заупокойный псалтирь“	31
Глава VII. Дѣтоубійство на Преображенскомъ кладбищѣ. Ханиловскій прудъ, какъ мѣсто сокрытія. Исповѣдь оедосѣвцевъ по „почтѣ“	37
Глава VIII. Преображенское кладбище въ 1812 г.	41
Глава IX. Совѣтъ оедосѣвцевъ-измѣнниковъ. Посольство оедосѣвцевъ къ Наполеону и снаряженіе въ даръ быка. Развратъ французовъ на кладбищѣ.	45
Глава X. Приѣздъ Наполеона на кладбище. Фабрикація фальшивыхъ денегъ. Грабежъ оедосѣвцами Москвы	49
Глава XI. Послѣдніе оедосѣвскіе дѣятели.	56